

МАСТЕРСКАЯ ТИХИХ ЧУДЕС

САША ТРУБЕН

Саша Трубен

Мастерская тихих чудес

<https://litres.ru/74606977>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Линн умеет чинить почти всё, что помещается на верстаке. Со своей жизнью выходит хуже: после развода ей досталась пустующая мастерская тётки, три недели до проверки и крыша, которую пока нечем залатать.

Первый заказ кажется простым. Старый чайник каждое утро готовит две чашки, хотя его хозяин живёт один. Но под заводской пломбой Вера находит чужое заветие, а в памяти чайника — женщину, которую никто не помнит.

Городской инспектор Марк Рейн требует прекратить ремонт. Вера уже собирается выставить его за дверь, когда замечает в его кармане такую же пломбу.

Теперь ей предстоит выяснить, кто стирает людей из жизни города — и почему единственный человек, способный ей помочь, собственноручно подписывал разрешения на уничтожение их вещей.

Содержание

Глава 1. На две чашки

4

Глава 2

17

Саша Трубен

Мастерская тихих чудес

Глава 1. На две чашки

— Если починить нельзя, сделайте так, чтобы он хотя бы не плакал.

Мужчина поставил на прилавок свёрток. Полотенце насквозь промокло, и с уголка на пол капала вода.

Я посмотрела на вывеску в окне. Ещё утром мне казалось, что слова «Ремонт домашних чар» достаточно ясно описывают мои возможности.

— Что у вас?

— Чайник.

— А плачет кто?

Мужчина развязал узел.

Чайник оказался медным, пузатым, с потемневшей ручкой. По бокам расходились две вмятины, на крышке вместо родного держателя сидела фарфоровая клубника. Из носика скатилась капля.

На блюде под ним лежали две сахарные косточки.

— Сахар тоже из него? — спросила я.

— Мой. Он без сахара не начинается.

Я убрала с прилавка счёт за починку крыши и перевернула

его чистой стороной вверх.

— Имя?

— Павел Соль. Часовщик с Нижней улицы.

Имя я записала на бланке заказа. Счёт всё-таки отложила: перечень моих долгов первому клиенту знать было необязательно.

— Расскажите с самого начала.

Павел Соль снял шапку, пригладил волосы. Пальцы у него были короткие, с вьёвшейся в складки чёрной смазкой.

— По утрам он готовит чай. В половине седьмого. Раньше ставил одну чашку, теперь две. Одну я выпиваю, вторую он греет. До полудня. Потом вот это.

Капля с носика упала на сахар. Косточка тихо хрустнула.

— Давно началось?

— Шесть дней.

— Меняли чашки? Переставляли кухонный стол?

— Нет.

— Кто-нибудь ещё им пользовался?

— Я один живу.

Он ответил слишком быстро, но это могло ничего не значить. Люди приходили к мастеру за работающим чайником, а получали расспросы о своей кухне.

Я подложила сухую тряпку и подняла сосуд за ручку. На донце обнаружились две привычные метки — нагрев и подача — и третья, более старая, вытертая почти до основания.

Парная привязка.

Такие вещи теперь редко делали. Современному чайнику задавали время и объём, и он послушно кипятил воду. Старый запоминал, кто как любит: кому покрепче, кому с холодной водой, кто обязательно схватится за ручку раньше, чем она остынет.

Половину этих привычек мастеру приходилось потом вычищать вручную.

— Он семейный?

— От матери остался.

— А до вас у неё...

— Госпожа Линн, — перебил он. — Мне соседка сказала, вы недорого берёте.

Я поставила чайник.

В ящике под прилавком у меня лежали одиннадцать медяков и разменный серебряник. Серебряник был чужой: вчера я нашла его в щели верстака и положила отдельно, как будто тётка могла вернуться за ним из могилы.

— Осмотр — два медяка. Если ремонт дороже десяти, сначала спрошу.

Павел кивнул и выложил две монеты. Они были тёплые от ладони.

— Только память не счищайте.

— Почему?

Он посмотрел на чайник.

— Не знаю. Жалко.

Я перестала тянуться за скребком.

— Хорошо. До завтра оставите?

— А сегодня нельзя?

— Я ещё не знаю, что сломалось.

С улицы донёсся скрежет колёс. Павел обернулся к окну, и я машинально посмотрела вслед за ним. Мимо проехала серая тележка городского надзора. В кузове, под сеткой, лежали лампы, щипцы для волос и детская лошадка без передних ног.

Павел опять надел шапку.

— Завтра зайду.

Он торопливо вышел, оставив полотенце.

Я внесла в заказ: «Память сохранить». Подумала и подчеркнула.

Мастерская досталась мне вместе с тремя табуретами, дырявой крышей и тёткиной привычкой прятать полезные вещи в самые неподходящие места.

Тонкие отвёртки обнаружились в коробке из-под печенья. Само печенье — в ящике с надписью «ЯД». Я не стала проверять, какая из надписей правдива.

Тётка умерла в конце лета. Я приехала только вчера — с чемоданом, инструментами и свидетельством о расторжении брака, сложенным так, чтобы не видеть имя бывшего мужа.

В столице я восемь лет ремонтировала домашние чары в нашей общей лавке. После раздела имущества лавка осталась ему. Мои инструменты его поверенный сначала тоже внёс в опись, но я предложила ему самостоятельно опреде-

лить назначение каждого.

До конца описи он не дошёл.

На краю верстака стояла тёткина фотография. Я отодвинула её подальше от воды, положила чайник на бок и зажгла рабочую лампу.

С нагревом всё было в порядке. Камень целый, выводы сухие, чашечный круг замкнут. Я проверила клапан, заменила задубевшую прокладку, налила полмерки воды.

Чайник повёл носиком и подтянул к себе две чашки с сушилки.

Одна была белая. Вторая — синяя, с отколотым краем.
— Уверен? — спросила я.

Он развернул синюю чашку сколом к стене.

Я невольно улыбнулась. Тётка всегда так делала.

Через минуту в обеих чашках дымился чай. Белую чайник наполнил почти до краёв. В синюю налил меньше и долил холодной воды из кувшина.

Для пробы я поднесла белую ко рту.

Чайник дёрнулся так резко, что я едва его не уронила.

— Ладно, не моя. Поняла.

Я поставила чашку. Он успокоился.

Синий чай пах чабрецом.

Я ничего такого не засыпала.

Пришлось слить воду и снова снять нижнюю пластину. Под ней, у самого края парной привязки, блестела свежая серебряная скоба.

Её установили поверх старой нити.

Я приблизила лампу. На металле был оттиснут маленький мост с тремя арками — знак городского надзора.

Скоба не давала привязке обратиться ко второй хозяйской метке. Поэтому чайник честно готовил две чашки, а потом никак не мог завершить подачу.

Вот только предохранители так не ставили.

Я вытянула из коробки увеличительное стекло.

— Вывеску придётся снять, — произнёс кто-то у двери.

Я вздрогнула. Отвёртка соскользнула, больно ткнув в основание большого пальца.

Мужчина на пороге посмотрел на мою руку.

— Прошу прощения.

— У вас это вместо стука?

Он оглянулся на дверной колокольчик.

— Я рассчитывал на него.

— Он не работает.

— Вижу.

— Если пришли чинить — в очередь.

Его взгляд скользнул по пустой мастерской и остановился на двух чашках.

Мужчина был лет на пять старше меня. Тёмное пальто промокло на плечах, в руке он держал узкий кожаный портфель. На воротнике поблёскивал тот самый мост, только крупнее.

Я положила отвёртку.

— По какому поводу?

Он достал удостоверение и раскрыл передо мной.

Марк Рейн. Инспектор домашних чар. Северный округ.

— Разрешение на эту мастерскую выдано Агате Линн.

— Она умерла. Я наследница.

— Соболезную. Наследство не заменяет свидетельство мастера.

— Моё свидетельство лежит в чемодане.

— Столичное?

— Вы по акценту определили или уже спрашивали соседей?

— В округе всего семь мастеров. Шесть, — поправился он после короткой паузы. — Их я знаю.

Я вытерла руку тряпкой, чтобы не оставить кровь на удостоверении, и вернула его.

— Документы подам завтра.

— Пока их не зарегистрируют, платные заказы принимать нельзя.

Два медяка Павла лежали на блюде у кассы.

Рейн посмотрел на них. Потом — на чайник.

— Это чей?

— Клиента.

Он поставил портфель на пол.

— Отойдите от верстака.

Я не сдвинулась.

— Вы хотя бы объясняйте, прежде чем командовать.

— Откуда у вас предмет с ограничительной пломбой?
Я провела языком по пересохшей губе.

— Это ограничительная?

Его лицо изменилось едва заметно. Он посмотрел уже не на чайник, а на отвёртку в моей руке.

— Вы её трогали?

— Ещё нет.

— Хорошо. Не трогайте.

Он снял перчатки. На правой ладони тянулся старый белый ожог: от запястья к большому пальцу.

Я такие видела. Их оставляли домашние чары, если разрывать рабочий круг голой рукой.

Рейн достал из портфеля плотный серый мешок.

— Предмет подлежит изъятию.

Я накрыла чайник тряпкой.

— Мне его оставили для ремонта.

— В нём стоит городская пломба.

— Которая и вызвала неисправность.

— Это не имеет значения.

— Для владельца имеет.

Он выпрямился. Мы стояли по разные стороны верстака, и между нами медленно расползалась мокрая полоса.

— Госпожа Линн, я могу составить акт об изъятии. Могу опечатать помещение до выяснения обстоятельств. Первый вариант займёт меньше времени.

На стене за его плечом висел листок, который я нашла вче-

ра: тёткины расценки. Замена нагретого камня — четыре медяка. Настройка колыбели — шесть. Ниже её рукой было дописано: «У Нины не брать, она уже принесла картошку».

Я успела прожить здесь одни сутки. Уже вымыла пол, отскребла вывеску и прикинула, куда поставлю свою лампу.

— Покажите основание для изъятия, — сказала я.

Рейн молча достал бланк.

Пока он вписывал дату, из внутреннего кармана пальто выпал небольшой жестяной футляр. Крышка отскочила. На пол выкатилось серебряное колечко, слишком маленькое для пальца.

Я нагнулась раньше него.

На кольцо была такая же пломба с мостом. Под ней проходила перерезанная нить.

Он взял футляр у меня из рук. Осторожно, не коснувшись пальцев.

— Благодарю.

— У вас тоже что-то сломалось?

— Это служебное.

Он закрыл крышку и убрал футляр.

Теперь мне хотелось знать, почему служебные вещи он носит у сердца, а чужие собирается бросить в мешок.

Рейн заполнял акт у прилавка. Я стояла рядом с чайником и читала перевёрнутые строки.

«Владелец предмета...»

— Имя клиента, — сказал он.

— Сначала дайте мне копию основания.

Перо замерло.

Серебряная скоба под тряпкой щёлкнула.

Я обернулась.

Из-под чайника текла вода, хотя я его опорожнила. Она собралась вокруг основания, обошла ножку лампы и потянулась к синей чашке.

— Не касайтесь, — сказал Рейн.

На этот раз я послушалась.

У чайника приподнялась крышка. В отверстии белел пар. Он пах чабрецом и ещё чем-то знакомым — горячей шерстью, когда сушишь мокрые варежки слишком близко к печке.

Я услышала дыхание.

Не своё. Медленное, с тихим хрипом на выдохе.

Потом женщина сказала:

— Паша, в синюю не лей. Я её склеила, но она опять...

Голос оборвался.

Я посмотрела на чашку. По боку, от ручки до самого дна, прошла тонкая тёмная линия. Я была уверена, что раньше её не было.

Рейн схватил сухую тряпку и накрыл основание чайника.

Пар исчез.

— Это память? — спросила я.

Он не ответил.

— Остаточная запись хозяйского голоса?

— Где вы взяли чашку?

— На сушилке.

— Она была здесь до вашего приезда?

— Наверное. Да. Не знаю.

Он убрал тряпку. На ладони у него уже наливалась красная полоса рядом со старым ожогом.

— У вас есть соль?

Я открыла шкаф, достала банку. Рейн насыпал вокруг чайника тонкое кольцо. Движения были точные, привычные, но на крышку банки он попал только со второго раза.

Вода перестала прибывать.

Мы помолчали.

Из окна тянуло холодом. Где-то во дворе ударили ведром о камень.

— Ваш клиент женат? — спросил Рейн.

— Говорит, живёт один.

— Имя.

— Зачем?

Он поднял на меня глаза.

— Потому что до него нужно добраться раньше сборщиков.

Я посмотрела на серый мешок у его ног.

Рейн проследил за моим взглядом.

— Я вещи изымаю. Они их уничтожают.

— И вы только сейчас решили, что это плохо?

Он отвернулся к прилавку, взял акт и перечеркнул напи-

санное.

— Я только сейчас услышал её голос.

Я вспомнила маленький футляр.

— Вы знаете эту женщину?

Несколько секунд он складывал бланк. Угол к углу. Очень ровно.

— Её зовут Анна Соль. Она работала в городском архиве. Исчезла шесть дней назад.

— Павел сказал бы, если бы у него пропала жена.

— Если бы помнил.

Я взяла со стола заказ. Имя Павла, описание поломки, две монеты за осмотр. Строчка «Память сохранить» была подчеркнута дважды — второй раз я провела пером, когда первый клиент уже ушёл.

— А вы почему помните?

Рейн достал футляр. Открыл.

Это была серьга. Простое серебряное колечко, почерневшее у замка.

— Потому что вторую она не сняла.

Я ждала объяснения, но он закрыл крышку.

— Анна — моя сестра.

У двери раздался короткий звон.

Колокольчик, который весь день молчал, дёрнулся ещё раз. По его медному краю прошла белая искра.

Снаружи потянули ручку.

Рейн убрал серьгу и протянул руку к мешку.

Я шагнула вперёд, заслонив чайник.

Он взглянул на меня, вывернул мешок наизнанку и быстро накинул его поверх соляного кольца. На внутренней стороне ткани проступили знаки глушения.

— Бланк, — шепнул он.

Я сложила заказ и сунула в карман фартука.

За стеклом двери стоял человек в сером. Второй удерживал на мостовой тележку.

— Городская служба очистки, — произнёс первый. — Откройте, пожалуйста.

Рейн взял незаполненный лист, положил передо мной и сверху опустил две монеты Павла.

— Скажите, что ничего не приняли.

Теперь я ясно видела его руку. Она дрожала.

— А вы?

Он подошёл к двери.

— А я попробую вам поверить.

Глава 2

Глава 2. До подписи

Поверить мне Рейн решил вовремя. Спросить, согласна ли я, — не успел.

Он отпер дверь.

Первый сборщик вошёл боком, придерживая у бедра плоский ящик. С полей его шляпы капало. Он сразу посмотрел на верстак, потом на мост у Рейна на воротнике.

— Марк Сергеевич. Ваш обход?

— Проверка регистрации.

— А у нас отклик по этой стороне улицы.

Сборщик поставил ящик на прилавок. Второй остался у двери. Молодой, с мокрыми ресницами и оттопыренным карманом, из которого торчал угол бумажного пакета. Пахло луком и свежим тестом.

Почему-то именно пирожок подействовал на меня хуже серой тележки. Люди, пришедшие уничтожить чужую память, успели пообедать.

— Имя владельца помещения? — спросил первый.

— Вера Линн.

Он достал карандаш.

— Принятые сегодня предметы?

Я посмотрела на два медяка. Между ними Рейн положил чистый бланк. За спиной у меня остывала синяя чашка, а на

верстаке под служебным мешком прятался чайник.

— Сначала объясните, что вы ищете.

Сборщик поднял глаза. Бледные, с красными прожилками. Усталые.

— Незамкнутую хозяйскую связь. Ваш звонок сработал от нашего щупа. Сам предмет может не представлять опасности, но оставлять его в работе нельзя.

— С моей работой я разберусь, — сказал Рейн. — Дайте номер сигнала.

Сборщик назвал номер. Рейн записал его на том самом пустом бланке.

— А предметы? — напомнил сборщик.

— Осмотр ещё не окончен.

Я чуть повернулась к инспектору. Лгать он предложил мне, а теперь сам тянул время. Видимо, под мешком чайник оставался безопасным недолго.

На ткани, над носиком, проступило влажное пятно.

Сборщик откинул крышку ящика.

Внутри на короткой цепочке висела стеклянная капля. Пока она лежала в войлочном гнезде, я приняла её за грузик. Но сборщик поднял цепочку, и капля вытянулась к моему верстаку.

Не к чайнику.

К чашке.

Я стояла между ними и видела это лучше остальных: узкий стеклянный кончик указывал прямо на синюю ручку.

— На минуту отойдите, — попросил сборщик.

Восемь лет я чинила вещи, владельцы которых уверяли, что они сломались сами. После восьми лет начинаешь сначала смотреть на прибор, потом слушать человека.

У этого прибора сбоку было регулировочное колёсико. Над ним — три риски. Колёсико стояло на средней.

Я узнала шуп. В столичной лавке мы брали такой напрокат, когда требовалось найти разрыв в стенном обогреве.

Он искал оборванную связь. Чья она и почему оборвалась, шупу было всё равно.

— У вас чувствительность завышена, — сказала я.

— Рабочая установка.

— Для жилого дома. Здесь ремонтная мастерская.

Я потянулась за полотенцем Павла, лежавшим возле сушилки. Заодно придвинула синюю чашку ближе к себе. От пальцев к запястью прошёл холод.

— Не трогайте предметы, — сказал сборщик.

Я остановилась с полотенцем в руках.

— Вы просили отойти. Пол здесь мокрый. Сломаете ногу — отвечать мне.

Он посмотрел вниз. На половицах действительно блестела вода.

За его плечом молодой сборщик переступил порог и прикрыл дверь.

Я вытерла край верстака. Медленно, чтобы никто не решил, будто я пытаюсь что-нибудь спрятать. Полотенце лег-

ло вокруг чашки, впитало натёкшую лужицу. Сквозь ткань я обхватила фарфоровое доньшко.

Никаких знаков на нём не было.

Обычная чашка. Именно поэтому она стояла у тётки на сушилке, поэтому я не проверила её перед тем, как налить воду. Чары чайника на несколько минут сделали её частью своего круга. И теперь через неё продолжала тянуться та связь, которую мы заглушили под мешком.

— Скажите вашему помощнику снять звонок, — предложила я. — Вы сами его разбудили. Он без языка.

Молодой посмотрел вверх.

— Правда без языка.

— И без подвеса внутри, — сказала я. — Я вчера проверяла. У него оборвана ответная нить. Пока щуп открыт, он будет мешать.

Сборщик с ящиком помедлил.

— Сними, Егор.

Тот сунул пакет поглубже в карман и потянулся к крючку над дверью. Не достал.

— Табурет, — сказала я Рейну.

Инспектор смотрел на мою руку под полотенцем.

Потом отодвинул табурет от верстака.

У нас появилось несколько секунд.

Я прижала ноготь к трещине на чашке. На вид она была сквозной, но фарфор не расходился. Ни крупинки под пальцем. Тёмная линия принадлежала чужой чашке — той, ко-

торую когда-то склеила Анна.

Чайник выбрал похожую и начал подгонять её под память.

Из всех привычек прежней хозяйки он успел перенести только две: положение скола и трещину. Если разомкнуть подачу, чашка снова станет просто посудой.

Для этого нужно было закончить чай.

Не вылить. В первый раз я уже вылила, и чайник потребовал хозяйку снова.

Выпить.

На дне оставалось на один глоток. Я подняла чашку вместе с полотенцем.

— Поставьте, — сказал сборщик.

— Это мой чай.

Рейн сделал шаг ко мне.

Я успела проглотить один глоток.

Чабрец. Остывшая вода. Горький привкус на дне.

А потом мастерская исчезла.

На столе лежал хлеб, завёрнутый в полосатую салфетку. Мужские руки держали половинку маленьких часов. Я знала эти руки. Знала, что на левом мизинце шрам, а под правый локоть надо подложить сложенное полотенце, иначе вечером опять заболит плечо.

— Доешь сначала, — сказала я.

Но голос был не мой.

Мужчина поднял голову. Павел — моложе, чем час назад, хотя седины было столько же.

— Сейчас. Тут остался один...

Он не договорил. Закашлялся, потянулся к белой чашке. Я сдвинула к нему сахарницу.

Мастерская вернулась рывком.

Рейн держал меня за локоть. Очень крепко.

— Горячо? — спросил молодой сборщик сверху.

Он стоял на табурете, и колокольчик в его руке дрожал.

Стеклянная капля выгнулась к двери.

Я заставила себя разжать зубы.

— Нет. Просто невкусно.

Во рту было сухо. В груди болело так, словно я только что проснулась после долгого плача. Я посмотрела на синюю чашку. Трещина исчезла.

— Пустая, — сказала я и показала сборщику дно.

Он её не взял. Следил за щупом.

— Положи звонок в ящик.

Егор спустился. Капля задрожала над колокольчиком, слабо звякнула о цепочку и обмякла.

Сборщик повернул колёсико к следующей риске.

Под мешком едва слышно щёлкнула скоба.

Я кашлянула.

Рейн отпустил мой локоть и встал у верстака, заслонив его широкой спиной.

— Достаточно, — сказал он. — Источник нашли.

— Звонок изношен, но отклик был сильнее.

— Здесь незарегистрированная мастерская. Я внесу заме-

чания в акт.

Сборщик посмотрел на него дольше, чем следовало для обычного разговора сослуживцев.

— Тогда подпись о повторном обследовании.

Он вынул из ящика узкую бумажную полоску.

— Завтра, до двенадцати. Прибором второй ступени. Вы или сменный инспектор.

Рейн взял карандаш.

Я увидела, как трудно ему согнуть обожжённые пальцы.

— И мешок, — добавил сборщик. — Раз уж здесь. Нам опять не выдали комплект.

Пальцы Рейна замерли.

Сборщик кивнул на верстак.

— Этот ваш?

— Занят.

— Значит, всё-таки есть изъятие?

Я услышала, как за стеной капнула вода в ведро. Один раз. Другой.

— Учёт отдельно, — сказал Рейн.

— Марк Сергеевич, мы же по одному сигналу приехали. Мне запись закрыть нужно.

Рейн положил подписанную полоску на прилавок.

— Ставьте: предмет на обследовании у окружного инспектора. Под мою ответственность.

Сборщик поджал губы, но шуп убрал.

Егор тем временем положил наш колокольчик в отдель-

ный отсек. Я хотела потребовать оставить его и не сказала ничего. Обмен вышел удачный. Только от этого легче не стало.

У двери старший остановился.

— Зря вы так, Марк Сергеевич. После весеннего случая нам за всякую мелочь отвечать.

— Помню.

— Вот и я помню.

Он вышел. Егор неловко кивнул мне и потянул за собой дверь.

На крючке над ней осталась светлая полоска пыли.

* * *

Я дождалась, пока колёса перестанут скрежетать под окном. Потом поставила чашку в раковину и вцепилась в край обеими руками.

Рейн повернул ключ в замке.

— Что вы сделали?

— Завершила подачу.

— Вы выпили из незамкнутого круга.

— Зато ваш мешок остался при вас.

Я хотела сказать это спокойно. Получилось почти сердито.

В памяти стоял кухонный стол. Полосатая салфетка. Чужое плечо, которое болело по вечерам. Я никогда не сидела за тем столом и всё равно могла бы с закрытыми глазами достать из верхнего ящика хлебный нож.

Рейн налил воды в чистый стакан. Поднёс ко мне, но не

стал вкладывать в руку. Поставил рядом.

— Сколько?

— Один глоток.

— Что вы видели?

Я рассказала. На словах про полотенце под локтем у него дёрнулась щека.

— Павел сломал руку три года назад. Упал с лестницы в своей лавке. Анна потом...

Он замолчал.

Я выпила воду. От неё не появилось никаких воспоминаний, и я была за это благодарна.

— Это было вчера? Перед исчезновением?

— Не знаю. Вы описали их обычное утро.

— Значит, чайник ничего не сказал о том, где она сейчас.

— Нет.

Рейн ответил сразу. Я ожидала, что он станет цепляться за каждую мелочь, но он только смотрел на чашку в раковине.

— Вы видели её лицо?

— Я смотрела её глазами.

Он опустил голову.

Мне захотелось добавить что-нибудь утешительное. Не нашлось ничего, что не было бы ложью.

Под мешком слышался тихий стук крышки.

Я вернулась к верстаку.

— Помогите поднять. Осторожно, не сотрите соль.

— Сначала скажите, что собираетесь делать.

— Работать. А вы будете отвечать на вопросы. Начнём с того, почему вы не принесли серьгу мастеру.

— Приносил.

Я взглянула на его ладонь.

— Поняла. Не начинайте с ожога. Начните с пломбы.

Он приподнял край мешка. Я подложила под чайник две сухие дощечки и повернула его так, чтобы скоба оказалась в свете лампы. Снятая нижняя пластина лежала там, где я её оставила.

— Нам объясняли, что пломба блокирует повреждённую привязку, — сказал Рейн. — После жалобы на ложное узнавание вещи осматривают, ставят ограничение. Если проявления повторяются, предмет изымают.

— Ложное узнавание?

— Печь греет пустую комнату. Зеркало показывает человека за спиной, когда там никого нет. Детская игрушка зовёт чужое имя.

От последнего примера у меня похолодели пальцы.

— И вы подписывали разрешения на уничтожение.

— Да.

Он не отвёл глаз.

— Сколько?

— За этот год — двадцать три акта. В некоторых было несколько вещей.

Я поставила увеличительное стекло на подставку, прежде чем успела его уронить.

Рейн продолжил:

— Три раза отправлял на повторную проверку. Мне возвращали заключение. Я не присутствовал при уничтожении.

— Подписи от этого не исчезли.

— Знаю.

Чайник чуть качнулся на дощечках. Я придержала ручку.

Хотелось выгнать инспектора. Ещё больше хотелось, чтобы он остался и рассказал всё, что знал. За окном было полно людей, способных забрать мою работу вместе со столом, и только этот пока ставил между ними и чайником свою фамилию.

— Теперь про серьгу.

Он положил на свободный край верстака футляр.

— Я нашёл её у сестры дома. Павел сказал, что такой вещи у него никогда не было. Я взял кольцо — и вспомнил, зачем пришёл.

— До этого не помнили?

— Знал, что должен зайти к часовщику. Причину забыл по дороге.

— Вы пробовали снять ограничение?

— В первую ночь. Потом пошёл к мастеру. Он отказался трогать городскую пломбу. Второй попробовал подпилить крепление. Нить потемнела. Мы остановились.

— А почему уверены, что вторая серьга на Анне?

— На замке стоит парная метка. Когда я держу первую, она тянется. Слабо, без направления. Но тянется.

Я рассмотрела серебряный ободок, не вынимая из футляра. Под скобой действительно поблёскивал крошечный узел, едва заметный рядом с обрезанным концом.

— Это доказывает, что парный предмет цел, — сказала я.
— Где он и кто его носит, так не узнать.

— Я понимаю.

Он произнёс это тихо. Я пожалела, что сказала, но брать слова обратно не стала.

— Записываете то, что помните?

— Каждый вечер.

— Помогает?

— Пока кольцо у меня. На второй день я оставил футляр в запёртом столе и пошёл обедать. Вернулся. Прочёл записи. Решил, что работаю над чужим делом.

Лампа потрескивала. Я вдруг поняла, почему он так аккуратно складывал перечёркнутый акт. За шестые сутки человек, вероятно, успевал придумать множество способов занять руки.

Я подтянула к себе чайник.

— Посмотрите сюда.

Скоба лежала поперёк старой хозяйской нити. При первом осмотре я видела только верхнюю часть. Теперь под наклоном показался второй зубец — он уходил глубже, в чашечный круг.

— Если нужно остановить испорченную привязку, достаточно прижать её здесь. Нагрев остаётся, подача идёт вруч-

ную. Человек хотя бы может пользоваться чайником. А эта штука заставляет его снова и снова обращаться к закрытой метке.

— Зачем?

— Пока не знаю.

Я взяла сухую деревянную палочку и указала на потемневший участок нити.

— Но если вырвать скобу, порвётся вот это. Тогда он и Павла не узнает. Может, вообще ничего не вспомнит.

Рейн наклонился ближе. Я почувствовала запах дождя от его пальто и мази — старой, въевшейся в ткань манжеты.

— Вы сможете её снять?

— Сейчас — нет.

Он выпрямился.

— А позже?

— Мне нужен исправный образец такой привязки. И время. И чтобы никто не дышал над ухом.

Рейн отступил на полшага.

Это вышло так буквально, что я впервые за последний час чуть не улыбнулась.

— Для начала можно отключить нагрев, — сказала я. — Без него чайник не начнёт новую подачу. Мешок оставим. Пломбу не трогаем.

Я сняла перемычку с нагревного камня. Обычная работа на полминуты: придержать вывод, отвести скобу, вставить пробковую прокладку. Медный бок под ладонью постепенно

остыл. Крышка перестала постукивать.

Теперь он выглядел просто старым чайником с нелепой клубникой на крышке.

Я завернула его в мешок и поставила на нижнюю полку, подальше от воды.

— До завтра, до двенадцати? — спросила я.

Рейн кивнул.

— Столько вы нам выиграли?

— Столько дали.

* * *

В ящике с бинтами нашлись три пуговицы, засохший лимон и собственно бинт. Я решила больше не удивляться тёткиному порядку.

— Руку.

— Не нужно.

— Тогда завтра расписывайтесь левой. Правой не сможете.

Рейн положил ладонь на чистую тряпку.

Я промыла ожог. Он смотрел на полку с чайником, пока я наносила мазь. Лишь один раз коротко втянул воздух.

— Анна часто пользовалась архивными чарами? — спросила я.

— Каждый день.

— Там тоже бывают парные привязки?

— Ключи, читательские метки. Почему?

— Ищу, с чем сравнить. Домашний круг устроен проще

служебного, но принцип может совпадать.

— В архив меня не пустят после закрытия. Завтра попробую.

Я закрепила бинт. Рейн перевернул руку, проверяя, сгибаются ли пальцы.

— Теперь к Павлу, — сказал он.

— Вместе.

— Госпожа Линн...

— Он оставил мне заказ. А вы для него кто?

Рейн посмотрел на меня.

— На данный момент — инспектор, которого он не любит.

— Вот поэтому вместе.

Я вынула из кармана бланк Павла. Бумага размокла у сгиба от влажного фартука, но буквы остались целы. «Память сохранить».

До сих пор мне казалось, что я обещала не испортить вещь. Теперь обещание стало значительно больше, а цена осмотра осталась прежней.

Я убрала бланк в жестяную коробку для квитанций. Два медяка положила туда же, отдельно от своих денег.

— Одно условие, — сказала я. — Вы больше ничего не забираете с моего верстака без спроса.

— Хорошо.

— И не указываете, что мне говорить людям.

Он помедлил.

— Хорошо. Но если снова решите пить из повреждённого

круга, предупредите.

Я сняла фартук.

— В следующий раз сами попробуйте.

За окном уже темнело. Пока я искала пальто, Рейн перевернул табличку на двери. На обороте рукой тётки было выведено: «Скоро вернусь». Ниже мелко: «Если срочно — стучите».

Я проверила заднюю дверь, убрала лампу от края верстака. Впервые в жизни мне предстояло оставить мастерскую, где опаснее всего был остывший чайник.

Рейн взялся за ключ.

Снаружи постучали.

Мы оба замерли.

Стук повторился — короткий, нетерпеливый. За матовым стеклом двигалось тёмное пятно шапки.

— Госпожа Линн? Вы ещё здесь?

Павел.

Я отодвинула Рейна и открыла.

Часовщик стоял под дождём без зонта. Пальто расстёгнуто, ворот рубашки сбился набок. В руках он держал потёртый кожаный переплёт, прижав его к груди, как школьник тетрадь.

Увидев инспектора, Павел остановился.

— По поводу вашего чайника, — быстро сказала я. — Мы как раз собирались к вам.

— Я не за чайником.

Он не входил. Я взяла его за рукав, и он наконец переступил порог.

С волос текло на лицо. Павел вытер лоб ладонью, посмотрел на мокрые пальцы, будто только сейчас заметил дождь.

— Я дома искал гарантийную книжку. Подумал, вам понадобится. В ящике с документами было это.

Он положил переплёт на прилавок.

Домовая книга. Уголки обиты железом, на корешке номер участка. Такие хранили десятилетиями, пока вместо дома не оставалась одна печная труба.

Павел открыл страницу с закладкой из бечёвки.

Я прочитала две строки.

«Павел Ильич Соль».

«Анна Сергеевна Соль».

Напротив второй стояла свежая серая печать.

— Это ваша жена, — сказал Рейн.

Павел отшатнулся от прилавка.

— Нет.

Инспектор не двинулся.

— Павел, послушайте...

— Я знаю, как это выглядит. Я умею читать. Но у меня нет жены.

Он говорил громче, чем требовалось. Потом вдруг потерял запал, сел на табурет и потёр лицо обеими руками.

Я пододвинула книгу к лампе.

— Что вас напугало?

Павел опустил руки.

— Вычеркнута. А рядом моим почерком: «Согласен. Личных вещей не осталось».

Под серой печатью действительно стояла подпись. Те же широкие петли, что на бланке заказа. Рядом — дата, шестидневной давности.

— Может, прежняя хозяйка, — сказал Павел. — Может, я снимал у неё комнату. Я весь день пытаюсь вспомнить.

Он посмотрел на меня, потом на Рейна.

— Мне не нравится, что я написал про вещи. Почему мне пришлось это писать?

Рейн опёрся здоровой рукой о прилавок.

Я наклонила книгу. В нижней части оттиска были мелкие буквы. Дождевые капли размыли край страницы, но середина оставалась сухой.

«Исключение из домового учёта. Основание: добровольное освобождение привязок».

Ниже — ещё одна строка, для свидетеля. Я разобрала фамилию не сразу. Почерк был мелкий, тесный; последняя буква уходила под печать.

А потом узнала особенный наклон заглавной «Л».

Я видела его на расценках, на банках с порошками, на записке про Нинину картошку.

«Агата Линн».

Рейн проследил за моим взглядом.

— Ваша тётя?

Я проверила дату ещё раз.

— Она умерла в конце лета.

За стеной снова упала капля в ведро.

Я положила палец под подписью.

— А здесь расписалась шесть дней назад.